

он осыпал иногда людей ничтожных, прощал виновных, обогащал бедных? Итак, я беру на себя этот труд не потому, что считаю себя недостойным его выполнить, но негодую на тех, которые, хотя и достойны, однако, пренебрегают им, и, как сказал о том поэт, я буду помнить: «Est quoddam prodire tenus, si non detur ultra»

Хотя мне и приходится передать потомству труд весьма несовершенный, но я надеюсь, что оно благосклонно украсит то, что мне люди нашего времени передавали без всяких прикрас. Итак, о читатель, мы обязываемся друг перед другом взаимно: я обязан тебя покорно просить, а ты извинишь меня, если мой рассказ окажется сухим, если моя Миперва, ныне довольно отъезжаяся, как говорят, останется далеко ниже своего блестящего предмета, ибо приходится неопытному языку рассказывать лепсча то, па что едва ли достало бы сил у Вергилия. В этом отношении я признаю себя слабым, но я возлагаю все свое упование на того, я имею в виду Христа чей знаменосец будет мной воспет. Затем я избрал тебя, ученейший патриарх (Иерусалимский) Арнульф¹, своим наставником с тем, чтобы ты выкинул у меня лишние страницы, пополнил пробелы, объяснил темное и переделал сухое; так как я знаю, что ты не чужд всяким наукам, то твои поправки будут для меня слаще меда; о, если бы я, которого ты был наставником в детстве, будучи сам еще молодым, мог теперь, возмужав, пойти в твоей старости руководителем, который исправил бы мои ошибки!

1. Танкред, знаменитая отрасль знаменитого корня, считал виновником своих дшей *маркиза* и *Эмму*²; по отцу он сын благо-

¹ Арнульф был капелланом Роберта, герцога Нормандского, и по завоевании Иерусалима его избрали первым латинским патриархом.

² Автор не называет по имени отца Танкреда, который современникам, вероятно, был хорошо известен по своему достоинству маркиза, которое заменяло ему имя; полагают, что его звали Одо Добрый; по во всяком случае он был туземный владетель Сицилии и вступил с пришельцами в родство, женившись на Эмме, дочери Танкреда Готвилльского и сестре его двенадцати сыновей. Итак, Танкред был племянник Гвискара и двоюродный брат Бозмунда.

родного происхождения, а по братьям матери еще более знаменитый племянник: предки его с отцовской стороны довольствовались славой между соседями своей земли, а его дяди со стороны матери пронесли молву о своих подвигах далеко за пределы отечества, то есть Нормандии. Кто не знает отваги Гвискара, которого победные знамена, говорят, заставили трепетать в один день императора Греческого и Немецкого? Одним своим появлением он избавил Рим от немцев. Его воинственное племя, восторжествовав над греками, покорило себе всю страну. Остальные братья Гвискара, в числе 11, довольствовались завоеванием Кампании, Калабрии и Апулии. Отсюда должно исключить Рожера, который, победив язычников (мусульман) в Сицилии, приобрел себе такую славу, что его считают вторым после Гвискара. Но все это меня задерживает, а главный предмет моего рассказа не позволяет мне останавливаться дольше.

Я возвращаюсь к Танкреду. Ни отцовские богатства не расположили его к изнеженности, ни могущество родствеников не породило в нем гордыни. С первых лет отрочества он начал превосходить своих сверстников искусством владеть оружием, а старцев – солидностью нравов, и то одним, то другим подавал новые примеры доблести. С такого раннего времени сделавшись прилежным исполнителем заповедей Господних, он тщательно хранил в себе все, чему его учили, и применял то к жизни, па сколько было то возможно при современных ему нравах. Он не унижался злословию даже и тогда, когда злословили о нем; даже делал больше, и, ставовясь сам глашатаем отваги своего противника, говорил обыкновенно, что врага следует поражать, но не терзать. В отношении себя он никогда не говорил ничего, но ненасытно жаждал, чтобы говорили о нем; а потому он предпочитал беднее сну, работу – отдыху, голод насыщению, учение праздности и, наконец, все полезное – излишнему. Одна страсть к славе волновала его юную душу, и с каждым днем он приобретал па нее новые права; он мало обращал внимания на опасность чистых ран, и не щадил ни своей, ни вражеской крови. Но в то же